

Великая русская революция

СИМУШ Петр Иосифович – доктор философских наук, профессор; ведущий научный сотрудник Института философии РАН (109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1; simush@inbox.ru)

ДВИЖИТЕЛЬ ВСЕРОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917-го: ЧТО ОН ТРЕБУЕТ ОТ НАС СЕГОДНЯ?

Аннотация. В роковом 1917 г. воюющая Россия пережила великую революцию, прошедшую четыре фазы: февральскую, октябрьскую, ноябрьскую и декабрьскую. Вероятно, они исполняли «требования» Логоса (Слова), понимаемого как закономерный ход вещей. Революция завершилась в начале января 1918 г. В ходе церковной революции был избран патриарх, а либерально-демократическая революция увенчалась созданием Учредительного собрания. Радикальные события потрясли не только Россию, но и весь мир, ниспослав россиянам дар «видеть и знать наперед... сокрытое будущее» (В.И. Даль). Путь к нему пробирают взаимосвязанные интеллект и мораль, составляющие движитель России.

Ключевые слова: Логос, власть, революция, мораль, мысль, деятельность, движитель

Полувековое размышление о движителе России

Оно вновь приводит меня к могиле Г.Р. Державина в новгородском селе. Мозг сверлит его пронзительное изречение: «Я царь — я раб, я червь — я бог». Ассоциативно фамилия знаменитого поэта и государственного деятеля вводит в контекст исследования суперключевое понятие «держава». Из него, как известно, либерал-радикалы произвели на свет презрительное прозвище «державник». Им не нужна была «держава», которая, по В.И. Далю, есть народ и правительство, «сочетающиеся» умом и нравственностью. Нам же надо сознавать себя членами общероссийской нации, потому что мы реально принадлежим к государственному народу как живому духовному организму. Раз это так, то целесообразно признавать таинственный Логос как проявление Высшего разума в мире, сообщающего нам более или менее полную истину о себе и о том, чего Слово от нас «требует». В целом всероссийская нация — это общность народной судьбы, направляемой добром, любовью и красотой. При этом движитель России представляется как дуализм интеллектуальной деятельности и нравственных подвигов.

В царстве этих слов я живу уже 92-й год, исповедуя пушкинское кредо: «Два чувства дивно близки нам — / ...Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам...» Эта «животворящая святыня» предполагает, по Пушкину, «божество», Дух, связанные с родной землей. Она дает людям право на знание, которое открывает «ночь ночи» (Псалом 18: 3).

Российская история движется по таинственной траектории, где подъем сменяется упадком, переходящим в катастрофу, в обилие «пепелищ» и «гробов». И я задаюсь вопросами: «Зачем мои современники проклинают революцию? Почему надо в 1917-ом видеть только трагедию?» С.А. Есенин, напротив, приветствовал этот год как «весну». У А.А. Блока под «музыку революции» шествуют «державным шагом» красногвардейцы с символом веры — Иисусом Христом — впереди.

Только интегрирование разных объяснений революции 17-го может приблизить нас к ее пониманию. В чем суть крушения монархии в результате событий февраля—марта 1917 г.? Реально рухнула огромная империя, но идея персонализированной власти не могла кануть в Лету. Столетие назад распался многовековой политико-государственный уклад. Но идея «трех китов» его — государственности, гражданственности, духовности — сохраняет свою витальность. Многое живет даже из знаменитой формулы «православие, самодержавие, народность». Ценности вековой давности оказываются актуальными проблемами современности, порождаемыми образами столетней давности.

100 лет назад Государь Империи Российской сделал роковой выбор: семья на первом месте, а держава — на втором. Вместе с тем, отрекаясь «от престола государства Российского», он высказывал озабоченность будущим «дорогого нашего Отечества». А оно и есть держава слов: могущество, владычество, государство.

Через полтора года Н.А. Романов вместе со своей семьей мужественно встретил свой смертный час. Есть ли что важнее и желаннее семьи? И в связи с этим я задаюсь вопросом о трагизме почти 2 миллионов семей, потерявших в мировой войне или сына, или мужа. Страшной трагедии не случилось бы, если бы последний император не совершил еще одну роковую ошибку, втянувшись во всемирное побоище. Мне представляется, что ведущая нить трагизма протянулась от мертвых, которые грозно молчат, к Ипатьевскому дому в Екатеринбурге. Отца Николая II в народе назвали Александром III Миротворцем, а его сына — Кровавым. Мертвые на Ходынке, площади перед Зимним дворцом, Ленских приисках и на полях сражений молчат. Но, не разгадав тайны их молчания, мы не уразумеем смыслов Великой революции. Многим русским философам был очевиден ее сакральный характер, однако современным атеистам он неинтересен. Напрасно!

Вспоминая своих родителей, я благодарен им за то, что они не посвящали меня в страшные воспоминания, чтобы я не становился на сторону красных. Ничего не известно было мне и о родственной близости к белым и контрреволюционерам. Отец сохранил от меня в тайне его участие в расстрелах деникинцев в Пятигорском ЧК. Мама хранила молчание о большевистском «рассказывании». И теперь я возлагаю цветы на могилу генерала А.И. Деникина в Донском монастыре и у памятника генералу Л.Г. Корнилову в Краснодаре. Кстати, недалеко от могилы Деникина — надгробие В.О. Ключевского, который подсказал мне мысль о движителе России. В его понимании отечественная история является по-настоящему действенным проявлением Логоса.

Либерально-народная революция

У меня крепко засела в голове официальная интерпретация событийности 1917-го. Великую революцию будто совершил Красный Октябрь, а Февраль — это проходное малозначительное событие. И чего путного можно было ожидать от «Февральской буржуазно-демократической революции»? Тем более что даже А.И. Солженицын в своем «Красном колесе» не скрыл, как первые дни этой «будто бы светоносной революции» были отмечены «низостью, подлостью, лицемерием». У великого писателя сложилось «освобожденческое» представление, по которому в Феврале страна «достигла свободы, желанной поколениями». Однако большевики «всю свободу потопили в крови и повернули страну к гибели».

Пытаюсь представить себе эпизод прибытия Николая II на псковскую станцию с характерным названием Дно, где царя встретили видные члены Госдумы В.В. Шульгин и А.И. Гучков. Образно говоря, здесь была пущена «на дно» романовская династия, да и вся история царско-императорской державы. Через 73 года опустится на «дно» и корабль «СССР».

В свое время мне привелось увидеться с В.В. Шульгиным. Если бы я с ним встретился вновь, то спросил бы знаменитого думца об объективных предпосылках Февраля. Верно ли то, что отречение царя, которое принимал Шульгин, все-таки рукотворное действие? Знал ли он о том, что переворот проплатили западные банкиры?

После «черного года», который смог предвидеть в своем «Предсказании» (1830) юноша Михаил Лермонтов, при обстоятельствах, «когда корона упадет», власть

переходит к Временному комитету Государственной думы, который тут же образовал Временное правительство из представителей либеральной элиты.

Первым министром-председателем Временного правительства был князь Г.Е. Львов (1861–1925). Ключевыми понятиями его мировоззрения были «мораль», «долг», «совесть». Но только первые 4 месяца революционной властью была востребована высокая нравственность. Ее носитель отстаивал дух толстовства. О Г.Е. Львове написано: он – деятель умный и волевой, со своеобразным характером и единством самосознания, стремился к осуществлению блага, не своего личного, а общественного. Удивляет то, что он, став экс-премьером и эмигрантом, умер во Франции в нищете.

Князь Львов, приняв на себя ответственность за спасение России, призвал всех к действительному патриотизму: Родина-мать – на краю гибели. От насилия правительство отказалось, считая, что оно есть сила, прежде всего, моральная. В газетах появилось его высказывание: «Над Россией засияло солнце свободы и сразу осветило глубокое дно озера – гений русского народа. И этот гений говорит нам о великодушии к прошлому и о действенной энергии в будущем». Участникам революции предстояло подтвердить эту мысль и начать проявлять инициативу в борьбе с явлениями распада. Но война продолжалась, и труднее всего было премьеру отыскать опору в народе на основе нравственной силы. Пытаясь задействовать ее, Львов обращался к рабочим, солдатам и крестьянам с простым, искренним и понятным словом. Оно возвышалось пафосом: «Боже, как все хорошо складывается!.. Революция – великая, бескровная...»

В мемуарах Федора Степуна дана такая характеристика князя Львова: он умел говорить с народом дельно, по-своему и по-народному. Георгий Евгеньевич был глубоко религиозным человеком. Побывав в Опгиной пустыни, я узнал, что по сей день монашество помнит его и почитает. Как истинный христианин, он признал свою вину: «Ведь это я сделал революцию...» Львов тяготел к плеяде умеренных либералов, говорил о «мирообновлении», «народолюбии» и «ненасилии». Его современник отмечал: однако энергия премьера перемежалась с унынием и усталостью. Спустя 4 месяца (8.07.1917) Г.Е. Львов заявил: «...я по долгу совести перед родиной не считаю себя в праве принимать участие в проведении в жизнь принятых Временным правительством программ». В связи с этим возникают вопросы: «Не было ли нравственное кредо Л.Н. Толстого своеобразным сигналом к началу грандиозного российского переворота?»

По предложению князя Львова министром-председателем стал А.Ф. Керенский. Он был намерен отказаться, по его словам, от «мягкой манеры управлять», проявлять «больше резкости в обращении с людьми, больше внешнего нажима в манере управления». Однако, даже желая разогнать Советы, он не решился это сделать, предал также генерала Корнилова. Очень скоро взаимные трения между Керенским и обществом стали отчуждением. Самой историей А.Ф. Керенскому (1881–1970) было суждено занять позицию безнадежности, поскольку он «защищал надклассовый, то есть всенародный характер Февральской революции». Будучи защитником «революционной демократии», он считал формулу о свободе, равенстве и братстве некой трехипостасной Истиной.

В своих «Мемуарах», говоря о «Феврале и Октябре», Керенский вводит ключевое слово «варвары». От него шло «грозное предостережение» и признание в том, что «действительно больно и очень серьезно!». Предполагалось решить три задачи Февральской революции; эта триада включает армию, землю, мир. Трагедию 1917 г. мемуарист видел не в государственности революции, а в смешении двух стихий: революции и разложения (шкурничества).

В противоположность понятиям «бунта», «мятежа» и «восстания», связанным с Первой русской революцией, Вторая русская революция была по сути либераль-

ной. Но она не успела создать механизм перехода от старого, отжившего режима к новому строю. Я не считаю, что «февралисты» губили революцию, которая не была только «трагедией народных масс». Они догадывались о всеильном Слове, уважая и человеческое слово.

Раздвоенная душа Февраля

Это определение подсказано анализом слов, произнесенных А.Ф. Керенским. С каждым месяцем после февральской фазы революции углублялась трагедия двойственности личности главы Временного правительства. Он желал убедить всех в том, что именно его власть «и есть та сильная, всенародная власть, которую жаждет страна» (суждение Ф. Степуна). И Керенский настойчиво уподоблял себя «сильному человеку», сопоставляя себя с менее решительными и менее сильными оппонентами. Воля Керенского проявилась при подавлении в июле выступлений большевиков и в августе – генерала Корнилова. Разумеется, сильная власть осуществляется, а не декларируется.

Объективно оценивая министра-председателя, не следует отрицать его больших недостатков как лидера революции. Не станем сейчас «коллекционировать» их, доказывая, что Керенский был слабым и неустойчивым властителем. Революция в первые месяцы вручила ему огромную власть. И что же? Министры сдавали одну властную позицию за другой. Вынуждены были уйти в отставку Милюков, Гучков, Коновалов. Беспорядки в агросфере вынудили Львова покинуть свой председательский пост. Не были, разумеется, проявлением сильной власти факты отказа от силы. Керенский созвал в августе Московское государственное совещание для того, чтобы примирить враждующие стороны – левых и правых. Против его примирительной тактики решительно ополчились большевики; Ленин тогда пустил в оборот презрительное прозвище «бонопартишка». Вопреки этому словечку, премьер думает одолеть раздвоение между голосом совести и целесообразностью применения самых крутых мер ради спасения России. Однако пристально наблюдавшие за поведением главного оратора заметили в нем «глубокую трагедию раздвоения личности». Его замечательными словами на Московском совещании было мучительное признание: «Какая мука все видеть, все понимать, знать, что надо делать, и сделать этого не смочь!» Премьер даже поначалу не выступил против «заговора» генерала Корнилова, который вскоре обернулся заговором Верховного главнокомандующего Корнилова. Штыки, пулеметы и пушки оказались в руках рабочих и крестьян. Солдаты двух станов – Керенского и Корнилова – требовали от них мира и без всяких разговоров втыкали свои штыки в землю. И по существу пирровой победой оказалась победа Керенского над Корниловым.

В России начался период, когда слова, исходящие от власти, теряли реальный смысл и свою силу перед реалиями жизни. Массы все внимательнее прислушивались к призывам и формулам большевизма, в особенности к страстным речам Л.Д. Троцкого. Для многих людей Февраль становился несбывшейся революцией. Совесть заставляла людей действовать по соображениям собственной безопасности.

Кропоткинская модель революции

Русская судьба соединила в лице Петра Алексеевича Кропоткина (1842–1921) большого ученого в области географии и геологии и теоретика самоуправления. Судьбоносным выбором скрытой истории является одногодичное сочетание путей последнего царя из династии Романовых и князя из рода Рюриковичей. В родную Россию П.А. Кропоткин возвратился спустя 40 лет вынужденной эмиграции (1876–1917). В глазах царизма он долгое время был олицетворением революционной заразы, исходившей в 1870–1890-х гг. из Западной Европы. В

эмиграции Кропоткин сосредоточился на теоретической подготовке анархистской революции.

Я пытаюсь сравнивать двух гениев революции: В.И. Ульянов (Ленин) — из сословия рядовых дворян, П.А. Кропоткин — из рода Рюриковичей; один — теоретик анархизма, другой — теоретик большевизма. Оба — литераторы, пропитанные мятежным духом, который «просит бури». Они разъясняли людям генезис Капитала, Войны и Революции.

Кропоткин предлагает нам разработки о «коллективном сознательном», о «коммуне» и «безгосударственности»; теоретик концентрирует внимание на том, что «коллективный ум народа» способен создать справедливое общество свободы, солидарности, организации по принципу общин. Возвратившись в 1917 г. в революционную Россию, Петр Алексеевич увидел в Москве, что молодые анархисты — «грубые развязные люди», которые действуют по принципу вседозволенности. Это крайне разочаровало «вождя анархии». У Кропоткина сложилось неоднозначное отношение к Октябрьской революции. С одной стороны, одобрение факта свержения власти буржуазии, с другой — опасение, что новые хозяева жизни не захотят делиться своей властью и привилегиями, а тем более отдавать властвование народу. Он был убежден в том, что революция должна быть внеклассовой и всенародной. Но каким образом? «Послушаем» и постараемся вникнуть в смысл выступления П.А. Кропоткина в Большом театре 14 августа на Всероссийском демократическом совещании.

«Граждане и товарищи! Позвольте и мне присоединить мой голос к тем головам, которые звали весь русский народ... стать дружной стеной на защиту нашей родины и нашей революции... Родина сделала революцию, она должна ее довести до конца... наступает новая эра... нужно строительство новой жизни на новых, социалистических началах...»

Если предыдущий оратор — «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская — в своей речи обрушилась на «капиталистов-эксплуататоров», то Кропоткин, обратившись к «преимущественно весьма богатым людям», сказал: «У вас есть то, что важнее капиталов, — знание жизни. Вы знаете... торговлю, ...производство и обмен. Так умоляю вас, дайте общему строительству жизни ваши знания. Соедините их с энергией демократических комитетов и Советов». Кропоткинский подход подсказывает нам необходимость увидеть в современном Капитале ценности познания и знания.

Надо отметить, что призыв «князя-анархиста» звучит актуально и 100 лет спустя. Ведь Власть с большой буквы есть знание, энергия и богатство. Синонимом энергии является сила — вооруженная, интеллектуальная и моральная.

Возвращаюсь к поразительному выступлению «нашего старика», которое часто сопровождалось бурными аплодисментами. Те, кто слушал Рюриковича, поддерживали его властную тетраду: «Самоуправление, труд, знания, капитал». Обращаясь с призывом к «Собору русской земли», он советовал признать Россию «республикой федеративной».

Князь смог реализовать почти невозможную задачу — хотя бы на словах объединить всех присутствующих, представляющих разные классы, сословия, партии и ассоциации. И перед моими глазами возникают картины нашего ТВ, показывающего президента России, выстраивающего диалог с формирующейся всероссийской нацией. Действенное слово созидательно и спасительно.

Благодаря формуле П.А. Кропоткина россияне могут задуматься о необходимости самоуправления, о возрождении идеи советской власти. Князю преклонного возраста не суждено было стать «президентом республики», о чем горячо говорили в кулуарах Собрания. Большевики, отвергнув формальную буржуазную демократию, в Октябре 17-го и в январе 18-го насильственным образом

устанавливают большевистскую диктатуру. Но Рюриковичу история может присвоить титул прорицателя в битве за общероссийскую всенародную республику. Мне остается сожалеть, что до триумфа кропоткинского гения пройдет не один десяток лет.

Кто они, вожди?

Более 30 лет я стремился разгадать причину первого братоубийства в Ветхом Завете: почему Каин убил своего брата Авеля? При этом я настойчиво дистанцировался от причины под названием зависть, хотя и полагал, что труднее всего на свете — это признать другого лучше себя. Замечу, что такого рода «трудность» лично передо мною не возникала. Наоборот, меня весьма заинтересовала интрига, предложенная Пушкиным: «Зависть — сестра соревнования, следовательно из хорошего роду». Достойный род интеллектуалов представлял Евгений Примаков. Он поднял академическую науку на вершину власти. Вот с кем не зазорно было бы «посоревноваться». А кто же в такой ситуации арбитр? Нас всех соединяет Логос.

Ссылка на личный опыт мне понадобилась, чтобы вникнуть в причину разрыва взаимодоговоренности между премьером Керенским и Верховным главнокомандующим Корниловым. Керенский действовал прямо по Марку Твену: человек готов на многое, чтобы пробудить любовь, но решится на все, чтобы вызвать зависть.

Всем вождям, включая Львова и Ленина, пришлось действовать при хаосе, который был характерной чертой революции. При ней авторитетом для революционных масс стали хаотически действовавшие Советы, которые испытывали праведную тоску по миру. Более же важным делом было сохранение власти Временным правительством вплоть до созыва Учредительного собрания. В этом промежутке правителям приходилось буквально захлебываться в огромных трудностях. Своей разумной линии в отношении того, как справиться с ними, у Временного правительства не было, зато она проводилась В.И. Лениным.

«Хитрость» истории проявилась в том, что Керенский, который ближе всех был к идее народной революции, должен был вступить в соперничество с главнокомандующим генералом Корниловым, поднявшим в конце августа неудачное восстание. Генерал заодно с премьером объективно не могли свернуть Россию с неправильного пути на верную дорогу, по которой Россия пошла бы достаточно энергично. Суждено это было сделать В.И. Ленину, одному из лидеров революционного движения. Только подумать: он, как будто ничего в стране не происходит, изучает классиков марксизма и пишет в шалаше классическое произведение «Государство и революция». Его политическая теория ориентирована на конкретные цели пролетарской революции. Грамотно мысля стратегически и тактически, Ленин выполняет важнейшие функции в системе управления революционной Россией.

Не могу не признаться в том, что мне, полковнику, более симпатичен генерал Корнилов, а не юрист Керенский. У первого была возможность, о которой он публично заявлял, довести революционную Россию до Учредительного собрания. Поэтому историки русской революции продолжают уделять особое внимание заговору генерала Корнилова. Значимость его намерения заключается в том, что генерал, действуя быстро и неожиданно для всех, мог одержать победу. Керенский же своей победой над мятежником фактически подтвердил суждение Федора Степуна: «на голову разбил себя самого и тем похоронил Февраль» [Степун 1995: 407].

Три вождя русской революции разыграли братоубийственную трагедию по сценарию 4-й главы Ветхого Завета (Бытие 4: 1-13). Зависть Керенского к Корнилову

подтвердила мудрую мысль Ларошфуко о том, что наша зависть всегда долговечнее чужого счастья, которому мы завидуем.

Образ героически погибшего генерала Лавра Корнилова навечно воплотился в монументе на площади Краснодара. Глядя на него, я как-то подумал: многим нравится, что этого вождя революционной России россияне продолжают любить. Его же завистникам тяжелее всего потому, что им никто не завидует.

Оглядываясь на 100 лет назад

В 1917 г. только каждый десятый солдат пришел в храм на исповедь. Это свидетельствовало о решительном отступлении народа от религии и веры в Бога. Патриарх Кирилл видит в этом глубинную причину революционных событий того года. Вместе с тем отход молодого поколения россиян от Христа начался задолго до революции. Уже в XVIII в. отмечался процесс нарастания безверия, который заметно прогрессировал в следующем столетии; в обществе углублялся разрыв между «верхами» и «низами». Он приведет к тому, что элиты удалятся от разумного управления страной, а народные массы не захотят жить по-старому. Религия переставала играть важнейшую роль в стране, а иссякание живой веры в Бога продвигало Россию к революции. Кроме того, в стране отсутствовал важнейший диалог между правительством и народом. Поэтому Россия ослаблялась как держава.

Я выступаю за возрождение жизнеспособных форм бытия не только в духовной сфере, но и в политическом бытии. Без этого просто невозможно избежать главной опасности – углубления громадной социальной несправедливости в РФ.

То, что для россиян есть будущее, власть гражданского общества, – провозгласила нетерпеливая душа Октября. Она подтолкнула большевистский январь 1918-го к подведению черты под всенародной демократией 1917-го. И страна ввергается в гражданскую войну. Да, события 25–26 октября 17-го можно трактовать как пролог (или как генеральную репетицию) трех предстоящих *vita*-трагедий – это 6 января 1918, гражданское братоубийство и геноцид крестьянства. Но, на мой взгляд, принципиально неверно всероссийскую революцию 1917 г. «продлевать» вплоть до 1922 г. Гражданская война есть трагизм братоубийства, а не революция. У нее был конец – январь 1918 г. И одна из актуальных проблем нашего времени – налаживание общения между властью и народом, между капиталом и бедностью. Эта ключевая проблема была поставлена Октябрем.

К этой мысли гораздо раньше меня пришли Сергей Есенин и Александр Блок. Они разгадали замысел Откровения – людям нельзя склоняться ко злу (Бытие: 4: 1-13). Однако после 6 января 1918 г. выбор диктатурой большевизма зла стал жестоким фактом. словно очарованные этим опытом, в октябре 1993 г. небольшие расстреляли Белый дом советской верховной власти. Двумя годами ранее мы потеряли СССР. А ведь наши отцы и деды создали в 1922 г. советскую государственность.

Многолетнее исследование обширного круга источников – научных, богословских, исторических и поэтических – позволяет качественно определить всероссийскую революцию 1917-го. 100 лет назад Россия совершила всенародную, либерально-демократическую революцию. Она продолжалась в течение 10 месяцев и исполнила «требование» Логоса. Русские классики это поняли в Христовой символике, убедительно изображенной в поэме Блока «Двенадцать».

Главный урок, который преподает всероссийская революция 1917 г., состоит в том, что человечеству надо смотреть в прошлое и будущее, мыслить интегрально и действовать комплексно, конвергентно. Этому учит наша революция, которая имела своими целями свободу, солидарность и справедливость, тогда как войны имеют эти цели в редчайших случаях. Доказательством является опыт участия

России в двух мировых и гражданской войнах. Первое всемирное побоище фактически и породило всемирно-историческую революцию в России.

Я вспоминаю сотрудничество с философом Мерабом Мамардашвили. Он часто говорил о том, что идеология есть социальный клей, та общая система ценностей, по поводу которой в обществе существует консенсус. Нам, россиянам, надо переступить порог надежды, поверить в существование абсолютного закона, как в «нравственное право» верил А.П. Чехов. Думаю, что без веры в абсолютное начало нравственности мы будем обречены. Революция 1917-го ребром поставила главную дилемму России: совесть или стратегия? История сослагательного наклонения, движителем которой являются интеллект и мораль, может не быть очевидной. Именно накопление реальных нравственно-правовых фактов, по-видимому, определяет огромные необратимые изменения в условиях человеческого бытия. Поэтому всероссийская революция семнадцатого года XX в. продолжается в семнадцатом году XXI в. Лев Толстой прав, указав на приоритет власти совести, тогда как В.И. Ленин и И.В. Сталин осуществляли приоритетную власть идеологической стратегии. История революции сослагательного и несослагательного наклонений ставит перед президентом России задачу соединить совесть и стратегию в исторической перспективе, учитывая основную суть интегративной веры. В американизме и в русскости она глубоко коренится в их историях, в их понимании чувства патриотизма. Одни россияне сохраняют коммунистическую веру, другие – религиозную; одни верны монархизму, другие – демократии, третьи – советизму. Все это уже было в 1917 г. в революционной России. С 1918 г. она становится диктаторской: «Прощай, демократия!», «Здравствуй, идеология!» Во многом благодаря этому в последующие полвека было понятно, «что делать?», и результат был «налицо». А вот тема «что не надо делать?» не считалась актуальной, что и привело к печальным последствиям в управлении страной.

Список литературы

Степун Ф. 1995. *Бывшее и несбывшееся*. СПб: Алетейя; Прогресс-Литера. 652 с.

SIMUSH Petr Iosifovich, Dr.Sci. (Philos.), Professor; Leading Researcher of the Institute of Philosophy, RAS (bld. 1, 12 Goncharnaya St, Moscow, 109240, Russia; simush@inbox.ru)

THE DRIVER OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917: WHAT DOES IT REQUIRE TODAY?

Abstract. *In the fatal 1917, the belligerent Russia experienced a great revolution, which took place in four phases: February, October, November and December ones. They probably fulfilled the «requirements» of the Logos (Word), understood as a natural course of things. The revolution ended in early January 1918. The church revolution resulted in the Patriarch election, and the liberal-democratic revolution was crowned by the Constituent Assembly creation. Radical events shocked not only Russia, but also the whole world, giving Russians the opportunity «to see and know... the hidden future» (V.I. Dal). The path to it make the interconnected intelligence and morality, which are the components of the driver of Russia.*

Keywords: *Logos, power, revolution, morality, thought, activity, driver*